

СТИВ КАВАНА

ПЯТЬДЕСЯТ
НА ПЯТЬДЕСЯТ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К12

Steve Cavanagh
FIFTY FIFTY

Copyright © Steve Cavanagh 2020

В оформлении переплета использованы фотографии:
© Gorodenkoff, Watson images / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Кавана, Стив.

К12 Пятьдесят на пятьдесят / Стив Кавана ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Британия).

ISBN 978-5-04-209032-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Идет совместный судебный процесс над двумя сестрами. Каждая обвиняет другую в зверском убийстве их отца, бывшего мэра Нью-Йорка. И одна из них точно убийца. Но кто?.. У Эдди Флинна, адвоката Софии Авеллино, есть жизненное кредо: он никогда не станет защищать человека, если не уверен в том, что тот не преступник. Такая же позиция и у Кейт Брукс, адвоката Александры Авеллино. Прокурор твердо намерен добиться обвинительного приговора для обеих. Только вот одна из сестер невиновна. Их шансы делятся ровно пятьдесят на пятьдесят. Пока Эдди Флинн, в своих лучших традициях, сам не примется за расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209032-5

Январь

Эдди

Есть в английском языке два слова, способные более всех прочих вселить ужас в сердце судебного адвоката. И сейчас эти два слова, поступившие в виде текстового сообщения пару секунд назад, смотрели на меня с экрана моего мобильного.

«ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ».

Присяжные отсутствовали в зале ровно сорок восемь минут.

За сорок восемь минут можно много чего успеть. Можно пообедать. Можно поменять масло в машине. Можно, пожалуй, даже посмотреть эпизод какого-нибудь телесериала.

Но вот чего никак нельзя успеть за сорок восемь минут, так это вынести справедливый и взвешенный вердикт по самому сложному судебному делу об убийстве в истории города Нью-Йорка. Это просто нереально. «Наверное, у присяжных возник какой-то вопрос, — подумал я. — Это не вердикт».

Такого просто не может быть.

На противоположной стороне улицы, на углу Лафайет, находится кафе «Кортэ» — типа как «Судебное», только на испанско-французский манер. Снаружи оно выглядит довольно соблазнительно. Внутри же — простецкие пластиковые столы и стульчики, кофе и сэндвичи. Обычно на этих стульчиках прохлаждаются три-четыре адвоката. И всегда можно сказать, кто из них ожидает возвращения присяжных. Еда не лезет им в горло. Они не способны усидеть на месте. Такие люди нер-

вируют остальных посетителей, как если бы на их месте сидел какой-нибудь псих с мачете на коленях. Некогда я и сам захаживал туда в ожидании вердикта, но одного только взгляда на другого адвоката, зависшего в томительной неизвестности между адом и раем судебного процесса, вполне достаточно, чтобы кофе в «Кортэ» застрял в глотке. А кофе там приличный.

Так что вместо того, чтобы ерзать на стуле, рискуя протереть штаны, я взял там кофе навынос и отправился прогуляться по площади. Даже сам не знаю, сколько раз мне уже доводилось так вот расхаживать по Фоли-сквер. Мой личный рекорд — три дня. Именно столько времени потребовалось присяжным, чтобы оправдать одного из моих клиентов, и я, блин, едва не проделал подметками канаву в тротуаре. Но на сей раз едва только успел выйти из «Кортэ» с бумажным стаканом кофе в руке, как получил это сообщение.

Выбросив недопитый стакан в урну, я перешел на противоположную сторону улицы и направился за угол, к зданию уголовного суда Манхэттена, над входными дверями которого на тридцатифутовой высоте развевался на флагштоке звездно-полосатый флаг. Флаг был очень старый. Ветер, дождь и время не по-доброму обошлись с ним. Цвета его потускнели, а сам флаг порвался чуть ли не надвое. Часть звезд распалась и была унесена ветром. Длинные разлохмаченные нити, свисающие с красно-белых полос, почти достигали мостовой. Деньги на его замену обычно находились. Да, времена сейчас тяжелые и становятся только тяжелей, но флаг всегда выглядел как новенький, даже если протекала крыша... Подумалось, что им стоит сохранить этот старый флаг — выгоревшие на солнце краски, разрывы и прорехи почему-то казались уместными в нынешнее время. Я мог лишь догадываться, не испытывают ли и судьбы схожие чувства. Когда на границе детей держат в клетках¹, звезды и полосы для мно-

¹ В числе своих первых шагов на посту президента США в 2021 г. Джо Байден отказался от практики, введенной при Трампе, заключившем соглашения с Мексикой, Гондурасом, Гватема-

гих утратили свой блеск. Никогда не думал, что моя страна будет настолько разделена и расколота.

На конце флагштока сидел ворон — большая черная птица с длинным клювом и острыми когтями. Первые вороны, вернувшиеся в Нью-Йорк, были замечены еще в 2016 году. Обычно они обитали на севере штата, и никто не знал, почему они вернулись. Вороны устраивали свои гнезда на высоких пилонах мостов и путепроводов, а иногда даже на вышках сотовой связи и опорах ЛЭП, питаясь всякими отходами и мертвечиной, скапливающимися в углах переулков по всему городу.

Когда я проходил под вороном, тот пару раз отрывисто каркнул: «Кар-р! Кар-р!» Я так и не понял, приветствие это или предостережение.

Но чем бы это ни было, карканье малость выбило меня из колеи.

Перед тем как взяться за это дело, я не верил в зло. До этого момента в своей жизни мне не раз доводилось иметь дело с мужчинами и женщинами, способными на злые поступки, но я списывал это на чисто человеческие слабости — жадность, похоть, гнев или желание. И некоторые из этих людей были больны. Больны на всю голову. В принципе, можно было сказать, что они не несут ответственности за свои ужасные преступления.

Проходя через пост охраны в вестибюль здания суда, я никак не мог избавиться от подобных мыслей. Они вторглись

лой и Сальвадором, согласно которым мигранты, пытающиеся попасть в США, должны дожидаться решения миграционной службы в этих странах. Эти соглашения были разорваны, и огромные толпы людей устремились к американской границе, рассчитывая, что добрый и толерантный Байден, в отличие от злого расиста Трампа, примет их с распростертыми объятиями. Итогом стала настоящая гуманитарная катастрофа на американо-мексиканской границе. Силы безопасности не справлялись с наплывом людей, центры временного содержания были переполнены, и наибольшее возмущение по всему миру вызвали кадры зарешеченных камер, битком набитых детьми, которых разлучили с родителями. — *Здесь и далее прим. пер.*

в мой разум, отравляя его. Каждая такая мысль была словно еще одной каплей крови в стакане прохладной воды. Когда совсем скоро начинаешь видеть все в красном цвете.

Сталкиваясь с убийцами — а доводилось мне сталкиваться с ними не раз и не два, — я почти всегда мог найти какое-то объяснение их поведению. Что-то в их прошлом или в особенностях психики давало ключ к их образу мыслей и преступным поступкам. Я всегда мог включить голову, применив рациональный подход.

На сей раз какого-то простого объяснения не имелось. Зацепиться было не за что. Рациональный подход был здесь неприменим. Почти что неприменим. В основе этого дела лежало что-то темное. Что-то зловещее.

И я сразу ощутил прикосновение этого зла. Которое нависло над этим судебным делом, как вороны над городом.

Присматриваясь.

Выжидая.

Чтобы в один прекрасный момент резко метнуться вниз и пустить в ход свои длинные когти и острый как бритва клюв. Как что-то мрачное и черное, быстрое и смертоносное.

По-другому это не описать. Иначе никак не скажешь. Да, люди могут быть хорошими. Есть ведь такое явление, как хороший человек. Тот, кто совершает добрые поступки, потому что ему это нравится. Тогда почему же не может существовать и чего-то прямо противоположного? Почему человек не может быть злым просто потому, что ему это нравится? Раньше я не рассуждал об этом с такой точки зрения, но теперь вижу суть. Зло абсолютно реально. Обитает оно в темных закоулках сознания и способно пожирать человека, словно раковая опухоль.

Погибло уже так много людей... И не исключено, что погибнет еще больше, прежде чем все это закончится. Когда я был ребенком и рос в маленьком холодном доме в Бруклине, моя мама говорила мне, что никаких страшил и подкроватных монстров не существует. Истории, которые я читал в детстве о чудищах и ведьмах, уводящих детей от родителей

в лес, она называла просто сказками. Никаких монстров не бывает, говорила мама.

Она ошибалась.

Лифты в здании уголовного суда — старые и жутко медленные. Когда один из них наконец доставил меня на мой этаж, я вышел из кабины, проследовал со всей остальной толпой по коридору в судебный зал и занял свое место за столом защиты рядом со своей клиенткой. После того как публика расселась по местам, двери закрылись. Судья уже расположился за своей кафедрой. Когда присяжные вошли в зал, воцарилась гнетущая тишина.

Документы они уже передали секретарю. Все бумаги были оформлены в совещательной комнате. Моя клиентка попыталась что-то сказать, но я ее не расслышал. Просто не смог. Слишком уж кровь шумела в ушах.

Я всегда мог неплохо рассудить, к какому решению склонятся присяжные. Был способен заранее предсказать его. И всякий, блин, раз оказывался прав. И всегда знал, прежде чем взяться за какое-то дело, виновен ли мой клиент в том, в чем его обвиняют.

Я много лет был профессиональным мошенником, прежде чем применить эти свои навыки в юридической практике, — естественно, с небольшими поправками. Хотя надуть на пару сотен штук какого-нибудь наркоторговца — это вам не то же самое, что развести присяжных и заставить их вынести нужный тебе вердикт. Ни в чем не повинные люди регулярно оказываются за решеткой, но только не в мою вахту. Я давно уже научился — в барах, закусовых, на улицах — разбираться в людях. У меня это очень хорошо получалось. Так что, перенеся свою деятельность в судебные залы, я всегда еще с самой первой встречи знал, виновен ли мой клиент. И если он или она были виновны, но хотели доказать свою невиновность в суде, я желал им удачи и прощался с ними. Я уже это проходил, и это слишком дорого мне обошлось. Тогда я проигнорировал свое чутье и позволил своему клиенту выйти сухим из воды. Он был виновен, а я вы-

пустил его на свободу. После чего он едва не убил ни в чем не повинного человека. Поэтому я едва не убил его самого. В некотором роде я все еще расплачиваюсь за ту фатальную ошибку. Не бывает абсолютно непогрешимых людей. Обмануть можно кого угодно.

Даже меня.

Короче говоря, читать клиентов и присяжных как открытую книгу — это я умею. Но это дело не было каким-то обычным. В нем не просматривалось ничего даже отдаленно нормального.

Это был первый вердикт, который я не взялся бы предсказать. Хотя в любом случае не оказался бы слишком далеко от истины. На мой взгляд, вероятности того или иного исхода были примерно равными, так что с одинаковым успехом можно было просто подбросить монетку. Фифти-фифти. Пятьдесят на пятьдесят. Я знал, чего хочу. Теперь я знал, кто убийца. Я просто не знал, увидели ли это присяжные. Я был шорами на глазах у присяжных.

А еще я жутко устал. Я не спал уже несколько недель. С той самой темно-красной ночи.

Секретарь суда встал и обратился к старшине присяжных:

— Итак, оба вердикта вынесены? И вынесены единогласно?

— Да, — последовал ответ. — Единогласно.

ЧАСТЬ I

СЕСТРЫ

Тремя месяцами ранее

Расшифровка звонка в службу 911

Рег. номер происшествия: 19-269851

5 октября 2018 г.

Время: 23:35:24

Диспетчер: Нью-Йорк, 911. Вам нужна полиция, пожарные или «скорая»?

Вызывающий абонент: Мне нужны полиция и «скорая помощь». Прямо сейчас!

Диспетчер: Какой адрес?

Вызывающий абонент: Франклин-стрит, 152. Пожалуйста, поскорей, она ударила его ножом и теперь поднимается по лестнице!

Диспетчер: В доме кто-то ранен?

Вызывающий абонент: Да, мой отец. О господи, я слышу, как она поднимается по лестнице!

Диспетчер: Полиция и «скорая помощь» уже в пути. Где вы находитесь в доме? И где ваш отец?

Вызывающий абонент: Он на втором этаже. В главной спальне. Там всё в крови. А я... я в ванной. Это моя сестра! Она все еще здесь. Кажется, у нее нож. О господи... [неразборчиво].

Диспетчер: Сохраняйте спокойствие. Вы заперли дверь?

Вызывающий абонент: Да.

Диспетчер: Вы не ранены?

Вызывающий абонент: Нет, не ранена. Но она собирается убить меня. Пожалуйста, пришлите сюда полицию и врача поскорее! Мне нужна помощь. Прошу вас, поспешите!

Диспетчер: Они уже едут. Никуда не выходите. Если можете, упритесь ногами в дверь. Все обойдется. Постарайтесь взять себя в руки, полиция уже в пути. Сохраняйте спокойствие и не шумите. Как вас зовут?

Вызывающий абонент: Александра Авеллино.

Диспетчер: А вашего отца?

Вызывающий абонент: Фрэнк Авеллино. Это моя сестра София — она, видать, окончательно сошла с ума. Она буквально раскромсала его на части... Она [неразборчиво].

Диспетчер: Там ведь у вас не одна ванная комната? В какой конкретно вы находитесь?

Вызывающий абонент: В той, что в главной спальне. Я вроде слышу ее. Она в спальне. О господи...

Диспетчер: Постарайтесь не шуметь. Все с вами будет в порядке. Полиция всего в нескольких кварталах от вас. Оставайтесь на линии.

Вызывающий абонент: [неразборчиво]

Диспетчер: Александра... Александра? Вы еще здесь?

Звонок завершен в 23:37:58

Расшифровка звонка в службу «911»

Номер происшествия: 19-269851

5 октября 2018 г.

Время: 23:36:14

Диспетчер: Нью-Йорк, 911, вам нужна полиция, пожарные или медики?

Вызывающий абонент: Полиция и «скорая». Мой отец умирает! Я на Франклин-стрит, 152. Папа! Папа, пожалуйста, скажи что-нибудь!.. На него напали. Ему нужен врач!

Диспетчер: Как вас зовут?

Вызывающий абонент: София. София Авеллино. Черт, я не знаю, что делать! Здесь столько крови...

Диспетчер: На вашего отца напали? Дома?

Вызывающий абонент: Он в спальне. Это ее рук дело. Это она...
[неразборчиво]

Диспетчер: В доме есть еще кто-нибудь? Вы в безопасном месте?

Вызывающий абонент: По-моему, она ушла... Пожалуйста, пришлите сюда кого-нибудь, мне так страшно! Я не знаю, что делать.

Диспетчер: Ваш отец истекает кровью? Если да, то попробуйте прижать к ране какую-нибудь тряпку или полотенце. И не отпускайте. Полиция появится с минуты на минуту. Я вижу, что из вашего дома поступил еще один звонок...

Вызывающий абонент: Что? Вам еще кто-то позвонил?

Диспетчер: В доме есть кто-нибудь еще?

Вызывающий абонент: О боже! Это Александра! Она в ванной. Я вижу ее тень под дверью. Вот черт! Она прямо здесь! Мне надо уходить. Она убьет меня. Пожалуйста, помогите мне, пожалуйста!..
[кричит]

Звонок завершён в 23:38:09.

ГЛАВА 1

Эдди

Терпеть не могу юристов. Большинство из них. Вообще-то почти всех, за редким исключением. Не считая разве что моего наставника, судьи Гарри Форда, и еще пары-тройки таких же древних судебных зубров, которые слоняются по зданию уголовного суда Манхэттена, словно призраки на собственных похоронах. Прокручивая в свои юные годы всякие хитроумные мошеннические схемы, я знал куда больше законников, чем сейчас. Большинство юристов довольно легко напарить, поскольку они сами народ нечестный.

Никогда не думал, что стану одним из них. На визитке в моем заднем кармане значится: «Эдди Флинн, судебный адвокат».

Если б мой папаня, и сам талантливый аферист, дожил до этого дня, ему было бы стыдно. Я ведь мог стать боксером, или мошенником, или карманником, или даже букмекером. Он смотрел бы на своего сына, адвоката, качал головой и задавался вопросом, в чем же ошибся как родитель.

Главная проблема в том, что адвокаты склонны больше думать о самих себе, чем о своих клиентах. Начинается все с благих намерений: все смотрели «Убить пересмешника», а может, даже и одолели книгу Харпер Ли, и все хотят стать такими, как Аттикус Финч¹. Чтобы встать горой за маленько-

¹ Аттикус Финч — главный герой романа американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника» (1960): адвокат, представлявший в суде чернокожего парнишку, ложно обвиненного в изнасиловании белой женщины.

го человека, вступить за которого больше некому. В общем, вся эта давидо-голиафовская муть. А потом вдруг понимают, что особых денег это не сулит, что все их клиенты виновны и что даже если они напишут речь, достойную Аттикуса Финча, судья пропустит все эти их словеса мимо ушей.

Те, у кого достает ума понять несбыточность подобной мечты, приходят к заключению, что нужно устроиться в какую-нибудь крупную фирму, вкалывать не покладая рук и попытаться пролезть в партнеры¹, пока еще нехватила кондрашка. Другими словами, они понимают, что закон — это бизнес. И у некоторых этот бизнес вполне себе процветает.

Стоя возле дома под номером 16 по Эриксон-плейс, я невольно припомнил, сколько бабла заколачивают маститые адвокаты по уголовным делам. По этому адресу располагается Первый райотдел полиции Нью-Йорка — в смысле, отдел под номером один. Парковочные места перед зданием, обычно предназначенные для патрульных машин, сейчас занимала целая выставка дорогостоящих достижений мирового автотропа, в основном германского. Я насчитал пять «Мерседесов», девять «БМВ» и один «Лексус».

Внутри явно что-то происходило.

В отдел можно попасть через выкрашенные синей и белой краской двери из красного дерева, с железными заклепками, обрамляющими каждую декоративную филенку. Сразу за ними — пункт охраны, и чуть дальше — стойка дежурного сержанта. Вот там-то я и обнаружил какой-то кипиш, причем в самом разгаре. Детектив в штатском, в желтой рубашке, гневно тыкал пальцем в физиономию сержанта Буковски, в то время как около дюжины адвокатов по другую сторону стойки, в приемной, оживленно грызлись между собой. Приемная здесь не более двадцати футов в длину и десяти в ширину, стены выложены желтоватой плиткой. Когда-то,

¹ П а р т н е р — высшая должность в адвокатской и вообще юридической фирме. Партнер, как правило, это еще и один из учредителей фирмы, фактически один из ее хозяев.